

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

АЛЕКСАНДРО-НЕВСКАЯ ЛАВРА ПО ЗАПИСКАМ ИНОСТРАНЦЕВ Часть 3

Эпоха Александра I (1801–1825). Другой французский автор, посетивший Александро-Невскую лавру, — известная писательница Анна Луиза Жермена де Сталь (1766–1817). Изгнанная из Франции за непримиримую полемику с Наполеоном, подавлявшим свободу творчества и установившим строжайшую полицейскую цензуру, она была вынуждена 10 лет жить за пределами своей родины, путешествовала по Германии, Италии; наконец в 1812 году посетила Россию. В мемуарах «Десять лет в изгнании» Жермена де Сталь отводит большое место описанию России, с симпатией отзываясь о русском искусстве. Очевидно, что писательница оценила по достоинству огромные творческие возможности русского народа. В Петербурге Жермена де Сталь посетила «Александро-Невский монастырь, посвященный памяти одного из российских князей-героев, распространившего славу своего оружия до берегов Невы»¹.

Словно по традиции, Жермена де Сталь сообщает своим читателям о гробнице святого князя Александра Невского. «Императрица Елизавета, дочь Петра I, приказала соорудить ему серебряную раку, на которую по обычаю кладут монету в залог того, о чем просят святого»². Французская писательница побывала и у места упокоения другого великого русского полководца: «Могила Суворова находится в Александро-Невской Лавре, ее украшает только его имя — этого достаточно для него, но не для русских, которым он оказал большие услуги»³.

Осматривая окрестности Александро-Невской лавры, Жермена де Сталь посетила и лаврское кладбище (некрополь). Вот ее заметки об увиденном: «Самые великие русские семьи воздвигли гробницы своим родственникам на кладбище рядом с собором

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

¹ Сталь о России (1812) // Новости литературы, 1822, № 10–12. С. 164.

² Русские глазами знаменитой француженки (Русские главы из книги Анны Луизы Жермены де Сталь «Десятилетнее изгнание») // Война 1812 года и русская литература. Исследования и материалы. Тверь, 1993. С. 141.

³ Там же.

Невского, но ни один из этих памятников не стоит внимания: они не обладают достоинством произведений искусства, и нет в них великой идеи, которая поражала бы воображение»⁴.

Не будем корить *Коринну*⁵ за ее порой наивные суждения, ведь во время своего краткого пребывания в Петербурге она часто могла судить о жителях столицы лишь на самом поверхностном уровне. Вот еще один образец подобного рода «салонного богословия»: «Справедливо замечено, — пишет Жермена де Сталь, — что мысль о смерти производит мало впечатления на русских; либо смелость, либо непостоянство впечатлений тому причиной, но долгие сожаления не в их характере. Они более склонны к суеверию, нежели к благочестивому чувству: суеверие относится к этой жизни, религия к той; суеверие связано с роком, религия с добродетелью; суеверными становятся, слишком дорожа земными желаниями, жертвуя же этими самыми желаниями, становятся верующими»⁶.

Испанский морской офицер Хуан ван Гален провел в России два года (1818—1820). Он не раз присутствовал на торжественном служении, которое отправлялось в большой церкви этого монастыря. «Пышность ее, — пишет он в своих записках, — превосходит главнейшие соборы Испании; более же всего удовольствия доставляет каждому иностранцу, который присутствует на подобных молебнах, хор, составленный из великолепных голосов, и такие хоры, как правило, можно услышать почти во всех церквях. Не раз в дни, когда я был преисполнен горечью и печалью, их пение составляло мое единственное утешение»⁷.

А. И. Рибопьер (1781—1865) пишет об Александро-Невской лавре в связи с кончиной императора Александра I. «Смерть императора Александра Павловича была общим горем. Мы узнали о ней в Невском монастыре, куда собрались, чтобы молиться о выздоровлении любимого государя... Церковь была полна народом»⁸. Из приведенных строк видно, что автор не является иностранцем в строгом смысле слова. Действительно, Александр Иванович Рибопьер уже обрусел, но его отец был швейцарцем, учился в Тюбингенском университете, сблизился там с молодыми русскими князьями Николаем Юсуповым и Степаном Апраксиным, после чего отправился в Петербург и был приближен ко двору Екатерины II. Александр, его сын, родившийся в России, носил почетное придворное звание обер-камергера.

Николаевская эпоха (1825—1854). В 1826 году в Санкт-Петербург прибыло французское посольство по случаю коронации Николая I. В составе посольства находился Франсуа Ансело, автор интересных записок о российской столице и ее храмах. «Я посетил большую часть из тех, что находятся в Петербурге, и расскажу, прежде всего, об Александро-Невской лавре, — начинает свой рассказ французский литератор. — Этот монастырь расположен при впадении в Неву Черной речки. Считается, что в 1241 году князь Александр Невский одержал здесь славную победу над соединенным войском шведов, датчан и ливонцев, и именно в честь сего героя, прославленного в анналах российской истории, принявшего перед смертью постриг, а потом канонизированного, Петр I в 1710 году повелел заложить здесь монастырь. Сегодня монастырь представляет собой обширный квадратный замок, обнесенный каменной стеной. В ограде три здания — собор св. Троицы с часовней Александра Невского, церковь Благовещения и церковь св. Лазаря.

⁴ Там же.

⁵ Коринна — героиня автобиографического романа писательницы («Коринна, или Италия»). — *Примеч. авт.*

⁶ Там же.

⁷ Гален Хуан ван. Два года в России // Образ Петербурга в Испании. СПб., 2003. С. 73.

⁸ Записки графа Александра Ивановича Рибопьера // Русский архив, 1877. Т. 2. С. 13.

Собор греческой архитектуры был возведен в 1790 году по проекту г. Старова⁹. Алтарь из белого итальянского мрамора украшен множеством картин, среди которых „Спаситель благословляющий“ кисти Ван Дейка, „Благовещение“ Рафаэля Менгса¹⁰ и „Воскресение“ Рубенса. Над царскими воротами из позолоченной бронзы, в окружении облаков, переливается всеми цветами ореол из искусно соединенных металлов, отражая свет множества серебряных люстр. Потолок, стены, колонны и купол расписаны арабесками, выполненными по приказу императора Александра.

Прах святого, которому посвящен этот памятник, покоится справа, за хорами. Перенос мощей в 1724 году из Рождественского монастыря во Владимире, где они хранились с 1264 года, отмечался по приказу Петра I как национальный праздник в честь Ништадтского мира¹¹. Доставленные сушей до Новгорода, мощи были перенесены на пышно украшенную ладью. Император с многочисленной свитой выехал к устью Ижоры, сам перенес святыню в свою барку, взялся за руль, придворных поставил на весла и прибыл к Александро-Невскому монастырю под артиллерийский салют и ликование народа, заполонившего оба берега реки.

<...> Помимо драгоценных ваз, митр и расшитых драгоценными камнями облачений ризница церкви хранит множество предметов, вызывающих чувство любопытства у иностранцев и благоговение у русских: княжеский венец Александра Невского, два жезла Петра I, кровать, на которой первый российский император испустил последний вздох, и, наконец, патриарший крест, подаренный им архимандриту, с наверху из кости, выточенным его собственными руками.

Церкви Благовещения и св. Лазаря стали в России тем же, что Пантеон во Франции: здесь покоится прах знаменитых людей государства. Хотя потомство должно хранить благодарную память о политиках, покоящихся здесь, надо сказать, что не все они достойны того уважения, какого требуют их пышные эпитафии: отвлечем взор от могилы графа Панина¹² и остановимся у памятника Суворову. Он представляет собой всего лишь украшенную военными атрибутами бронзовую табличку на надгробной плите. Могила воина, чьи подвиги бывали часто омрачены излишней жестокостью, отмечена простой надписью с указанием имени, титулов и дат рождения и смерти¹³.

Свиньин описывает могилу Суворова в Благовещенском соборе так: «Бронзовая доска, прикрепленная к северной стене, украшенная военными знаками, составляет весь монумент Суворова. Надпись (им самим сделанная): „Здесь лежит Суворов“ — весьма достаточна. Достойно сожаления, что прибавлено после: „Генералиссимус князь Итальянский, граф Александр Васильевич Суворов-Рымникский родился 1729 ноября 13, скончался 1800 мая 6 дня“»¹⁴. О происхождении «простой» надписи на могиле Суворова бытовала легенда, приписывавшая ее авторство Державину: «Существует такой рассказ. Перед смертью Суворов пожелал видеть маститого поэта. В разговоре с Державиным он, смеясь, спросил его:

— Ну, какую же ты мне напишешь эпитафию?

⁹ Старов Иван Егорович (1745–1808) — архитектор; по его проектам построены Таврический дворец (1783–1789) и Троицкий собор Александро-Невской лавры (1776–1790).

¹⁰ Рафаэль Менгс Антон (1728–1779) — немецкий живописец, работал в Дрездене, Риме и Мадриде.

¹¹ Ништадтский мир со Швецией, завершивший Северную войну 1700–1721 годов, был подписан 30 августа 1721 года.

¹² Панин Никита Иванович, граф (1718–1783) — воспитатель вел. князя Павла Петровича; возглавлял Коллегию иностранных дел (1763–1781), отстаивал идею союза России, Пруссии, Дании, Швеции и Польши для противодействия Франции и Австрии.

¹³ Ансело Франсуа. Шесть месяцев в России. М., 2001. С. 44–45.

¹⁴ Свиньин. С. 66–67; в примечании к этим словам — излагаемый Ансело дальше анекдот о катафалке с гробом полководца.

— По-моему, — отвечал поэт, — слов много не нужно: тут лежит Суворов!

— Помилуй Бог, как хорошо, — в восторге сказал Суворов»¹⁵.

«Рассказывают, что, когда катафалк с гробом Суворова подъехал к церкви, ее двери оказались для него слишком узки, — продолжает свой рассказ Франсуа Ансело. — Возникло замешательство, и преодолели его только усилия солдат, сопровождавших катафалк, когда один из них воскликнул: „Вперед, ребята, Суворов везде проходил!“ Видно, воину, всю жизнь проведенному в борьбе, судьба назначила сражаться с препятствиями вплоть до последней точки его земного пути! На великолепном мраморном надгробии родового склепа Нарышкиных высечены слова, которые последние его представители сочли достаточными для запечатления своей памяти: „От племени их Петр Великий родился“.

Я обойду молчанием множество пышных памятников, посвященных титулованным мертвецам тщеславием живых, но нельзя покинуть эту печальную ограду, не воздав должного канцлеру Михаилу Воронцову, который оставил память о себе, почтив память первого лирического поэта России. Место, где покоится знаменитый Ломоносов, снискавший восхищение соотечественников своими одами, отмечено семифутовой колонной из белого мрамора. Отрадно приветствовать славу невинных муз среди памятников кровавой славы¹⁶.

В Александро-Невской лавре сто монахов; каждый имеет свою келью, но трапезу они совершают вместе, следуя уставу, составленному Феофаном Прокоповичем и утвержденному Петром I в 1723 году. Титул архимандрита монастыря принадлежит митрополиту Санкт-Петербургскому¹⁷, резиденция которого находится здесь же»¹⁸.

Франсуа Ансело пишет о Карамзине и об опасениях за жизнь знаменитого писателя: «Оказалось, что к тому были все основания: после долгих страданий он скончался; похороны состоялись в Александро-Невской лавре. К последнему пристанищу его сопровождал кортеж, составленный из людей самого высокого положения, отличившихся на различных поприщах; он упокоился рядом с Ломоносовым. Ему воздали заслуженные почести, но надо сказать, что относились они не столько к знаменитому писателю, сколько к личному советнику императора; не столько к историку, сколько к историографу России»¹⁹.

В Петербурге издавна была заведена традиция совершать крестный ход из Казанского собора до Александро-Невской лавры; процессия следовала каждый год 30 августа (ст. ст.), в память перенесения мощей святого князя Александра Невского. Внимание иностранных гостей неизменно привлекало это торжественное шествие через весь город; некоторые из них даже принимали в нем участие. Одна из таких «богомолок», маркиза Вестминстер, посетившая Петербург в 1827 году, проделала пешком весь путь вместе с крестным ходом до самой ограды лавры, а затем вместе с остальной публикой ждала целых полтора часа приезда императора Николая I, который наконец явился с наследником и великим князем Михаилом Павловичем²⁰.

¹⁵ Пыляев М. И. Старый Петербург. СПб., 1889. С. 34.

¹⁶ По смерти Ломоносова (1765) его семья осталась без средств, и памятник на его могиле был сооружен по инициативе и на средства графа Михаила Илларионовича Воронцова (1714–1767) в 1766–1767 годах по эскизу Я. Я. Штелина в Италии, из белого каррарского мрамора, под наблюдением архитектора Ф. Медико (Штелину же принадлежит текст надписи, высеченной на двух сторонах надгробия по-латыни и по-русски).

¹⁷ Имеется в виду Серафим (Глаголевский; 1763–1843), митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский в 1821–1843 годах.

¹⁸ Ансело Франсуа. Шесть месяцев в России. М., 2001. С. 46.

¹⁹ Там же. С. 50.

²⁰ Дневник маркизы Вестминстер // Исторический вестник, 1880, июнь. С. 347.

Более подробные сведения о крестном ходе можно почерпнуть из книги И. Г. Георги. В «Описании Петербурга» он называет это торжество «кавалерским праздником», то есть праздником, в котором принимают участие кавалеры ордена Святого Александра Невского. Учрежденный Петром I, этот орден, «однако ж, Екатериною Первою токмо впервые роздан в 1725 году, — пишет И. Г. Георги²¹, продолжая: — Ея Императорское Величество яко гроссмейстер ордена и кавалеры собираются в 11 часов до полудни к Божественной литургии в соборную церковь Казанский Богоматери, откуда шествуют в отстоящий на 3 версты монастырь святого Александра Невского, присутствуют тамо на молебне у гробницы онаго производимому, после чего возвращаются в Зимний дворец, где кавалеры имеют великолепный обеденный стол, и при питии за здравие производится пальба с крепостных валов. На тот день от самой церкви Казанския Богоматери до Александро-Невского монастыря сделана дорожка из досок и покрыта красным сукном»²².

С годами Екатерина II уже не могла принимать участие в этой процессии. Возраст давал себя знать, и, как писал И. Г. Георги в начале 1790-х годов, «уже несколько лет тому назад изволит императрица вместо того обыкновенно присутствовать накануне праздника всенощному бдению в церкви сего монастыря; а в самый праздник провожают два младших кавалера (ордена святого Александра Невского. — *Авт.*) знатное духовенство по дощатой дорожке. В 1793 году было, кроме Ея Императорского Величества яко гроссмейстера, 124 кавалера, и в числе сих 2 короля и несколько владетельных особ»²³.

В 1829 году Александро-Невскую обитель посетил Джеймс Эдвард Александер (1803—1885). «Александро-Невская лавра — усыпальница великих людей, в чудесной церкви в серебряной раке покоятся мощи воина-святого, но все выглядит слишком пышно для места неустанной молитвы, — пишет английский офицер. — Монахи живут в кельях рядом с церковью; у них хранятся драгоценности и святые сосуды, а кроме того, кровать, на которой Петр I сделал свой последний вздох»²⁴.

Среди насельников Александро-Невской лавры встречались иноки, прибывшие сюда из-за рубежа. Одним из них был Адам Селлий, родом датчанин из города Тондера, по своему первоначальному вероисповеданию лютеранин. Около 1722 года он начал трудиться в Петербургской Академии наук, а через некоторое время перешел в Александро-Невскую семинарию, где ему было поручено преподавать латинский язык. В 1737 году Селлий оставил свою должность в семинарии, поселился в Александро-Невском монастыре и занялся изучением русской истории — церковной и гражданской. Незадолго до смерти (1746) он исполнил свое давнее желание — стал членом Русской православной церкви, приняв имя Николая, а затем был пострижен в монашество и наречен Никодимом²⁵.

Сведения об Александро-Невской семинарии, где когда-то преподавал Адам Селлий (о. Никодим), приводятся в «Описании Санкт-Петербурга» И. Г. Георги, по словам которого, «семинария монастыря св. Александра Невского находится в самом монастыре под смотрением митрополита, в которой монахи обучают. В одной воспитываются 50 сыновей священников, по большей части для церковного служения. Их обучают славянскому, латинскому и греческому языкам, Священной истории и пр.»²⁶.

²¹ Георги И. Г. Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. СПб., 1794. С. 188.

²² Там же.

²³ Там же. С. 188—189.

²⁴ Александер Джеймс. Россия глазами иностранца. М., 2008. С. 47.

²⁵ Чистович И. История Санкт-Петербургской Духовной Академии. СПб., 1857. С. 17—18.

²⁶ Георги И. Г. Указ. соч. С. 404.

Эпоха Александра II (1854—1881). Каждому петербуржцу знакомы «клюдтовские кони», украшающие Аничков мост, переброшенный через Фонтанку. Последней работой Петра Карловича Клодта (1805—1867) был памятник Мартину Лютеру для одной из церквей в Восточной Пруссии: реформатор Церкви стоит с книгой в левой руке, подняв правую к небу. Петр Карлович скончался неожиданно в 1867 году, приехав в имение Халола в Уусикоркко в гости к дочери и зятю. В Петербург тело Петра Карловича везли его любимые кони. Финские соседи провожали траурную процессию до деревенской церкви. Как и полагалось, они пели при этом псалмы.

Петра Карловича отпевали в лютеранской церкви Святой Екатерины на Васильевском острове и похоронили на Смоленском лютеранском кладбище. Позже останки Петра Карловича были перенесены на Тихвинское кладбище в Александро-Невской лавре, где его могила находится среди могил других выдающихся людей: Федора Достоевского, Петра Чайковского, Михаила Глинки и Ивана Крылова²⁷.

В 1867 году в Санкт-Петербурге побывал английский писатель Льюис Кэрролл со своими спутниками. Во время пребывания в российской столице он несколько раз посещал Александро-Невскую лавру, что следует из его записей.

31 июля. Из Зимнего дворца мы взяли извозчика в Лавру. Здесь нам удалось увидеть только собор с великолепно украшенными золотом, серебром и драгоценными камнями раками и проч. Мы остались на вечернюю службу, которая весьма напоминала ту, которую мы слушали в Исаакиевском соборе, хотя, разумеется, молящихся было очень немного²⁸.

24 августа (суббота). Мы отстояли вечерню в Александро-Невской лавре — это было одно из самых прекрасных православных богослужений, которое мне довелось услышать. Пели чудесно и не так однообразно, как обычно. Один распев, в особенности многократно повторяемый во время службы (то есть повторялась мелодия, а слова, возможно, были другими) был так прекрасен, что я охотно слушал бы его еще и еще. Служили два епископа; когда служба пошла к концу, один из них встал посреди церкви и начал кисточкой (полагаю, что с освященным маслом) рисовать крест на лбу подходивших по очереди прихожан, которые сначала целовали Книги, положенные на стол, а потом подходили под благословение, причем многие целовали епископу руку²⁹.

25 августа (воскресенье). Граф Путятин заехал, как обещал, за нами и повез нас в своем экипаже в Греческую церковь. Он провел нас в алтарь и познакомил с архимандритом, который служил литургию, и так как служили по-гречески, мы смогли, несмотря на различия в произношении, следить за ним по книгам — и молиться вместе со всеми; исключения составляли одно или два места, касающиеся Девы Марии. Когда служба завершилась, граф повез нас в Александро-Невскую лавру и показал тамошнюю Духовную академию, где около 80 юношей готовятся принять духовный сан³⁰.

С переходом в православие из католичества связаны имена двух французов, имевших отношение к Петербургу и к Александро-Невской лавре. Один из них — Рене Франсуа Гетте (1816—1892), православный священник, служивший в Париже. Гетте был католическим аббатом, но потом в ходе полемики, возникшей по поводу его сочинения «История Французской Церкви», которое было внесено в «Индекс запрещенных

²⁷ Хмяляйнен-Форслунд Пирье. Роман Елизаветы. История семьи Клодтов—Ярнефельтов. СПб., 2002. С. 157—158.

²⁸ Кэрролл Льюис. Дневник путешествия в Россию в 1867 году, или Русский дневник. СПб., 2013. С. 42.

²⁹ Там же. С. 69—70.

³⁰ Там же. С. 70.

книг», занялся изучением церковно-исторических вопросов. Постепенно Гетте пришел к убеждению в истинности православия и в 1862 году вступил в лоно Русской православной церкви³¹.

Посещая Россию, он совершал в Петербурге православные богослужения, на одном из которых в 1869 году присутствовал французский посол. Что было после этого, видно из содержания небольшой заметки, принадлежащей перу отечественного корреспондента. Итак, французский посол, представлявший в Петербурге интересы императора Наполеона III, «захотел послушать, как аббат Гетте в день Рождества Христова служил в церкви Святейшего Синода всю нашу обедню на французском языке. Выслушав и Филаретову благодарственную молитву за избавление от французов, посол пришел в негодование и поехал в Зимний дворец жаловаться Государю, который приказал во всех церквях и по всей России перепечатать это молебствие с опущением неугодных послу мест, где намекается о влиянии французов на наши нравы»³².

Примечательно, что духовным учеником Гетте стал другой француз, который также перешел в православие и переехал в Россию. «10 марта (1911 года. — Авт.) в больнице Александро-Невской Лавры скончался 70 лет от роду архимандрит Августин (Мовильон), — сообщалось в его некрологе. — Уроженец г. Дижона, он по окончании курса богословских наук в Дижонской римско-католической семинарии поступил в монастырь и был пострижен в монашество в 1856 году. Ознакомившись из сочинений обратившегося из католицизма священника В. Гетте с учением Православной Церкви, он пожелал присоединиться к ней. Пешком и без денег отправился он в путь из Берна в Россию... Ни слезы родных, ни жалобы друзей, ни расчеты денежные, ни труды и лишения долгого путешествия, ни будущность в совершенно незнакомой ему стране не могли поколебать его решения. В 1871 году он был присоединен к Православию. Отец Августин настолько привязался к России, что, поехав несколько лет назад во Францию, не мог пробыть там более двух недель, и, возвратясь в Петербург, говорил, что может жить только в России. Все свои... средства он расходовал на покупку книг и имел громадную библиотеку»³³.

Следует отметить, что библиотека Александро-Невской лавры также традиционно славилась своим собранием. Еще в конце XVIII века И. Г. Георги сообщал о том, что «книгохранилище монастыря святого Александра Невского содержит многие достопамятные славянские рукописи, дела церковных соборов в 17-ти, труды блаж. Августина — в 10-ти, Вольфа — в 28-ти частях и пр. Сочинения разных единоверцев³⁴ в оном весьма многочисленны»³⁵.

Эпоха Александра III (1881—1894). 1880-е годы были «урожайными» на гостей из Испании; в своих записках они уделяли место и Александро-Невской обители. «Монастырь Святого Александра Невского один из самых значительных в России, к нему ведет главная артерия города, Невский проспект, получивший свое название благодаря монастырю»³⁶, — начинает свой рассказ Жасинт Вердагер, побывавший в Санкт-Петербурге в 1884 году. Затем он переходит к основной части своего повествования.

³¹ Полный православный богословский энциклопедический словарь. СПб., 1913. Т. 1. С. 642.

³² Император Александр Николаевич и французская императрица Евгения // Русский архив, 1911, № 7. С. 452.

³³ Церковный вестник, 1911, № 6. С. 3—4 (Известия по С.-Петербургской епархии).

³⁴ Единоверцами с конца XVIII века в России называли сторонников старого обряда, засвидетельствовавших свою лояльность к Русской православной церкви. Единоверцы имели свои храмы, типографии, а также свою собственную церковную организацию. — *Примеч. ред.*

³⁵ Георги И. Г. Указ. соч. С. 417.

³⁶ Вердагер Жасинт. Петербург (Из книги «Поездки и путешествия») // Образ Петербурга в Испании. СПб., 2003. С. 132.

Шла служба, когда мы вошли; верховный священнослужитель и регент пели в алтаре по очереди и одновременно мелодичные строфы на славянском языке. Священник держит в правой руке кадило и кадит, сперва перед образами алтарных картин, перед каждым в отдельности, затем перед образом покровителя храма; затем на регента, который остается на своем месте во время всей церемонии; на шестерых-семерых священниковиз хора, стоящих справа от алтаря в своем большом, просторном, стелющемся по земле облачении черного цвета; на их головах шапки без полей, со спускающимся до земли черным покрывалом. Рядом с ними тоже, видимо, священники, но они стоят с непокрытыми головами. Затем он обращает каждое к хористам или студентам-семинаристам, которые находятся напротив, по другую сторону парапета. Их человек тридцать, и они время от времени отвечают на священное песнопение хором удивительно красивых голосов. На каждое все отвечают торжественным поклоном. Затем священник обращает каждое к народу, который склоняется до земли в смиренном поклоне <...> Надгробие или алтарь Александра Невского — это лучшее, что есть в храме, и его самое замечательное достояние. Над ним к самым сводам церкви возносится огромный, как пирамида, скульптурный памятник из серебра. Вес серебра, употребленного на его сооружение, составляет 325 фунтов³⁷.

Еще один испанский паломник, Одон де Буэн (1863—1945), побывал в обители св. Александра в 1886 году. «В Александро-Невской Лавре находятся могилы многих известных семей; храм посвящен знаменитому Александру Невскому, и в одном из приделов хранится прах основателя Российской империи, — пишет ученый-естествоиспытатель, эссеист. — Могила святого и подножие ее из серебра, так же, как и два больших подсвечника, великолепная дарохранильница и аллегории выигранных Александром Невским сражений. Справа от главного алтаря, по правилам симметрии, находится величественный склеп с восемью малахитовыми колоннами. <...> Здесь имеется несколько достойных внимания картин, и, так же как и в Испании, продаются предметы мистического свойства, образки и медальоны, простые или изящные, в зависимости от цены, все по правилам настоящей торговли»³⁸.

Конец XIX — начало XX века. На протяжении всей своей истории Александро-Невская лавра постоянно посещалась иностранными гостями российской столицы. Особенно часты подобные визиты стали на рубеже XIX и XX веков. 25 августа 1895 года в Петербург пришло английское морское судно «Св. Суннива», на котором прибыли 90 англичан с целью знакомства с религиозной жизнью России и православным богослужением. Это судно принадлежало эсквайру Ульричу Перону, капитану волонтеров, сыну лорда-епископа Уэстерского, известного в Англии знатока Библии, гебраиста и собирателя древних рукописей, который занимался вопросом о сближении Церквей и особенно симпатизировал Православной церкви. В числе пассажиров английского судна были придворный проповедник, несколько пасторов и журналистов, представители аристократии.

Тотчас же по приходе судна в Петербург пассажиры на поезде отправились в Москву в сопровождении англиканского пастора о. Фрэнсиса. Сорок сороков церквей, звоны белокаменной столицы произвели большое впечатление на англичан, равно как и святыни Троице-Сергиевой лавры. Но в Москве англичане не успели побывать за православным богослужением. Они видели его в Петербурге — в Александро-Невской лавре. Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Палладий (Раев) (1892—1898) пригласил их в лавру, поручив гостей вниманию о. ризничего-архимандрита.

³⁷ Там же. С. 132—133.

³⁸ Буэн Одон де. Испанский путешественник в Петербурге XIX века (Из книги «От Христиании до Туггура» // Образ Петербурга в Испании. СПб., 2003. С. 140—141.

30 августа (ст. ст.) английские гости присутствовали за Божественной литургией в день празднования памяти святого князя Александра Невского. Крестный ход англичане наблюдали из галереи, откуда им отлично была видна вся процессия. «Торжественное служение митрополита с двумя архиепископами, действительно дивное, умиляющее душу пение придворного и невского хоров, в сложности 170 человек, привело холодных англичан в восторг, писал очевидец, присутствовавший в соборе. После литургии англичане были приглашены к митрополиту. Из них человек 30 мужчин пришли на трапезу; для них был приготовлен особый стол в первой зале. Митрополит с министрами завтракал в гостиной, но в конце завтрака вышел к англичанам... Каждого митрополит благословил, каждому сказал приветствие и очаровал англичан так, что они, когда владыка уходил, дружно огласили непривычные к этому залы громким „Гип-гип, ура!“»³⁹.

На следующий день за завтраком, данном англичанами в честь гостеприимных хозяев, старший пастор Эрвин сказал, что на англичан произвело глубокое впечатление торжественное русское богослужение, а доброта и радушное гостеприимство митрополита только подтвердили их веру в добрые чувства, которые питает русское духовенство к Англиканской церкви и которые со временем могут повести к соединению Церквей, и предложил тост за здоровье митрополита Палладия и русского духовенства.

В день отхода судна, 2 сентября, депутация англичан в составе шести человек во главе с капитаном судна Ульричем Пероном в полдень прибыла в Александро-Невскую лавру к митрополиту Палладию. Митрополит принял англичан, глава делегации обратился к владыке с речью на латинском языке. Оратор приветствовал митрополита, который так высоко стоит на своем посту и как истинный христианский архипастырь так чутко отзывается на все движения христианской души. От лица всех англичан, получивших духовное наслаждение видеть богослужение, возглавлявшееся митрополитом Палладием, депутация поднесла ему приветственный адрес. Владыка принял адрес и беседовал с гостями. Митрополит сказал во время беседы, что он два месяца назад получил приглашение из Англии на конгресс по вопросу о соединении Церквей, но сам не может приехать, а своим представителем просил быть епископа Алеутского Николая (Зиорова). В заключение митрополит благословил делегацию, передав старшему пастору икону святого Александра Невского в золоченой серебряной ризе. Когда митрополит благословлял делегацию, все англичане стали на колени.

«Большинство англичан проявило большую симпатию к русскому культу, — отмечалось в те дни в петербургской прессе, — почти все они накупили образков, икон, некоторые приобрели древние складни. Здешний английский пастор Фрэнсис в своей прекрасной по изложению речи, произнесенной на завтраке, свидетельствовал о чувствах симпатии к нашей религии и о стремлении англичан к единению Церквей»⁴⁰.

А спустя полгода насельники Александро-Невской лавры снова принимали высоких гостей из Великобритании. 15 февраля 1896 года в Петербург прибыл лорд-епископ Вилькинсон, доктор богословия Оксфордского университета, викарий лорд-епископа Лондонского для всех приходов Англиканской церкви в Северной и Центральной Европе. Преосвященный епископ Вилькинсон остановился у настоятеля англиканской церкви в Петербурге, совершил конфирмацию и приобщил Святых Таин около 150 членов Англиканской церкви, проживающих в столице. Епископ Вилькинсон проявлял большой интерес к вопросу о соединении Церквей и принимал активное участие в этом движении.

17 февраля состоялась встреча епископа Вилькинсона с митрополитом Санкт-Петербургским и Ладозским Палладием. В полдень гость из Великобритании прибыл в Алек-

³⁹ Православный благовестник, 1895, сентябрь. С. 47—48.

⁴⁰ Там же. С. 49.

сандро-Невскую лавру, в мантии и с посохом, в сопровождении настоятеля Англиканской церкви А.-Э. Уотсона После взаимных приветствий иерархов епископ Вилькинсон сообщил, что англиканские епископы были счастливы принимать епископа Алеутского и Аляскинского Николая во время его пребывания в Лондоне; особенно они были тронуты его молитвой в соборе Святого апостола Павла перед престолом Всевышнего «о благостоянии святых Божиих Церквей и соединении всех». Это замечание епископа Вилькинсона послужило поводом к продолжительной беседе по вопросу о соединении Церквей. Епископ Вилькинсон выразил сердечный интерес к Русской православной церкви от имени архиепископов Кентерберийского и Йоркского, а также от других видных иерархов Англиканской церкви.

Прощаясь с английским гостем, владыка Палладий благословил епископа Вилькинсона образом Спасителя в золоченой ризе, к которому тот, перекрестившись, благоговейно приложился. Оба иерарха расстались, троекратно облобызавшись, со словами: «Христос посреди нас». Из покоев владыки митрополита епископ Вилькинсон в сопровождении свиты проследовал в Свято-Троицкий собор, где вознес, преклонив колена, молитвы у престола Всевышнего, а затем приложился к мощам святого благоверного великого князя Александра Невского⁴¹.

⁴¹ Православный благовестник, 1896, № 4. С. 187–188.